

«ТАК ХОЧЕТСЯ, ТАК НАДО БЫТЬ НОВЫМИ, НЕПОВТОРИМЫМИ...»

Т а н ц у ю т Надежда Павлова и Вячеслав Гордеев

Неулыбчивая, сосредоточенная, в обычной вязаной кофточке и брюках, она делала простую пробежку, на какой-то миг остановившись, уже показывала вполсилы легкий прыжок... И все это словно повторяя старый урок, не сводя задумчивых глаз со своего изображения в зеркальной стене. Кордебалет, устроившись на низкой скамейке вдоль стены, и артисты театра, столпившиеся у дверей, впервые видели Надю вот так, рядом. И, глядя на нее, может быть, каждый подумал: «Повзрослела Павлова. Это уже не робкий, чуть уловатый подросток, который смотрел на нас с экрана телевизора три года назад» (в дни Второго Международного конкурса артистов балета).

Но вот кончилась репетиция, и все мы вдруг увидели: в ней много от прежней Нади Павловой: смущение, некоторая робость. Глядя со стороны на ее разговор с подругами по Пермскому хореографическому училищу, артистами нашего балета, я видела одинаковое смущение обеих сторон. Надя, оказавшись среди своих, может быть, почувствовала себя перед глазами своего педагога — строгой, взыскательной, не всегда довольной ею Людмилы Павловны Сахаровой. А девочка, возможно, смутило: такая близкая Надя и в то же время уже всемирно известная, прима.

Не знаю, чем бы сменилось открытое, не защищенное выражение лица Нади, но подошел Вячеслав Гордеев, и она, радостная, с улыбкой, которую все время пыталась спрятать, уютно устроилась возле него. Весь наш разговор активно вел Вячеслав. Я вновь и вновь задавала вопрос ей, но Надя взглядом передавала его Гордееву. Она во всем полагалась на своего партнера, старшего товарища, мужа.

— Вячеслав, вы танцуете в Большом театре уже восьмой сезон, а Павлова лишь первый. Как складывается ваш хореографический дуэт? Как входите вы с Надей в балетный стиль этого театра?

— Наверное, наш дуэт складывался бы трудно, не будь Второго Международного конкурса артистов балета, где я впервые встретился с Надей. Тогда, готовясь к турам конкурса, мы работали много, до изнеможения, пока каждый танцевальный элемент, трудный он или легкий, не получался легко, грациозно, без видимого напряжения, а, главное, в одном хореографическом звучании. Добиться этого было не так уж легко. На каждом из нас была не только печать индивидуальности, но и почерк своего училища. Я закончил Московское хореографическое училище, четыре года уже танцевал в Большом, а Надя еще училась в Пермском училище, к тому же, у весьма своеобразного педагога Сахаровой.

Мне было с ней и легко и трудно. Легко потому, что Надя — самая искренняя, непосредственная артистка из всех тех, с кем я танцевал. Она заражает своим настроением, с ней естественно входил в образ. Трудно потому, что уже тогда, в 1973 году, в отличие от других известных балерин самые сложные элементы она выполняла очень легко, непринужденно, с радостной улыбкой, словно все эти пируэты, прыжки, экранные ее естественное состояние, и танцевать рядом с ней надо было достойно, а просто не имел права танцевать хуже. Мог ли я, видя, как она в три прыжка, легких, воздушных, пролетает огромную сцену, не делать стремительных прыжков и эффектных поддержек. Наша творческая судьба была в ее и моих руках. Наверное, тогда, на конкурсе, нам что-то удалось. Во всяком случае, у меня до сих пор сохранилось особое чувство к па-де-де из балетов «Тщетная предосторожность», «Дон-Кихот», «Шелкунчик», которые мы тогда танцевали. Надя была удостоена приза Большого театра Союза ССР «Гран при», золотой медали, ей было присуждено звание лауреата. К тому же, ей вручили специальный приз Ленинградского хореографического училища. Я удостоен был почти тех же почестей, кроме «Гран при» и специального приза.

После конкурса мы разъехались. А через некоторое время опять встретились: группа артистов балета страны выезжала на гастроли в Соединенные Штаты Америки. С нами ехала и Надя Павлова. Мы выступали в «Метрополитен-опера», в других городах — и везде с огромным успехом.

Этот успех со зрелищными мастерами советского балета разделили и молодые артисты.

Вот что писал по этому поводу журнал «Нью-Йоркер»:

«Новая восходящая звезда» советского балета Надежда Павлова... не похожа ни на какую балерину. Эта молодая девушка — талантлива, самолюбива, оригинальна. Можно надеяться, что она окажется первым представителем нового, пока еще не оформившегося и никак не квалифицированного стиля, который в дальнейшем мы будем называть «стиль Большого театра 70-х годов».

Внешне Павлова — отлично сложенная девушка, небольшого роста, с поразительно длинными ногами. Возможно, именно это нарушение стиля и придает ее поведению на сцене некую совершенно захватывающую интонацию. Элементы классического танца приобретают в ее исполнении как бы новый смысл без какого-либо нарушения внутренней гармонии. Балерина поразительно свободно выполняет сложнейшие па. В па-де-де из «Шелкунчика» она совершает головокружительные пируэты. А когда дело доходит до жете в шлагете, которыми так славится стиль Большого театра, Павлова не откидывает голову назад «а-ля Плисецкая», но вся устремляется вперед в свободном полете, а затем неожиданно повторяет элемент вновь и вновь. Балерина, похоже, сама наслаждается тем, что и как она делает: простая пробежка на пунктах доставляет ей радость».

В этой же статье о партнере Н. Павловой было сказано: «Гордеев, безусловно, лучший танцовщик, которого мы видели в нынешний приезд Большого театра, и его по праву следует назвать одним из лучших классических танцовщиков мира. Стоит посмотреть Гордеева в «Тщетной предосторожности», когда он простым изменением положения рук придает дополнительный блеск серии безупречных жете с поворотом. Танец Гордеева, выступающий ли он как партнер или как солист, полон таких тонких технических деталей. Постепенно начинаешь задумываться, что в нем идет от техники, а что — от внутреннего чутья, настолько все эти детали доказывают его внутреннюю страстность по отношению к партнерше, к зрителям, ко всему искусству балета в целом. Это танцор, поражающий внутренним озарением».

— Через два года Надя была принята в труппу Большого театра?

— Да, закончив училище и год проработав ведущей солисткой Пермского театра оперы и балета. В Большом театре мы с Надей танцуем в спектаклях «Жизель» и «Шелкунчик» (постановка Юрия Григорovichа), заняты еще в одном, новом спектакле по балету Т. Хренникова «Любовью за любовь» (постановка Веры Боккадора).

Это внешние приметы сегодняшней жизни. А в сущности, если взглянуть в наше рабо-

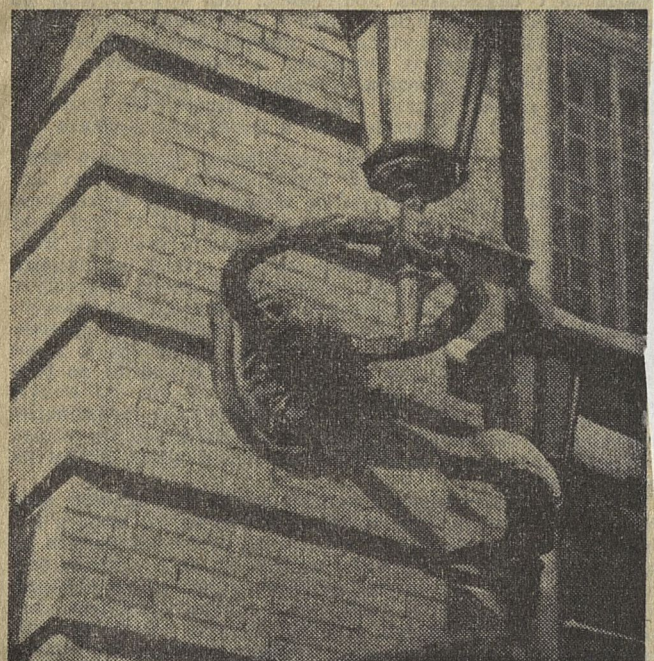
чее время, — увидите занятия, занятия, изо дня в день, утром, днем, вечером. Утренние, в классе, — чтобы не терять форму, удерживать свои позиции; дневные и вечерние репетиции — пополняем репертуар.

Занятия, репетиции проводим вчетвером. С Надей работает известная советская балерина, солистка Большого театра М. Семенова, со мной — А. Варламов. Работать с этими требовательными педагогами нелегко. Но в балете все трудно. Трудно быть артистом балета, тем более — солистом. Но все это отходит на задний план, когда я слышу эмоциональный голос Семеновой, когда вижу Надю, отрешенную от всего повседневного, ушедшую в себя, в роль!

— Уфимцам повезло увидеть вас с Павловой в балете «Жизель». Мы увидели на сцене не просто танцы, великолепно исполненные, вдохновенные, а целую жизнь, историю чистой возвышенной любви. Расскажите, что предшествует такому хореографическому успеху?

— Ответ этот будет логическим продолжением предыдущего. Труд и только труд, большой, без оглядки на достигнутый успех, славу, труд с потом и с состоянием, близким к слезам. Артисты Большого театра — великие труженики. И мы с Надей, приходя в класс, приступаем к упражнениям так же тщательно, как когда-то в училище.

Я успел хорошо познакомиться с Людмиллой Павловной Сахаровой. Поэтому знаю, Надя взяла от своего педагога самое главное — требовательность. Сахарова не терпит легких побед, пустых комплиментов. Для нее главное мерило человека — труд и скромность. Она считает, что постоянное упражнение подчас дает больше, нежели хорошее дарование. Вот почему Надя, несмотря на свои отличные данные, работает над собой систематически, одержимо, серьезно. Она работает с утра до вечера и ни слова об усталости. Вот пример. На следующий день после получения «Гран при» она пришла в класс на обычные упражнения. Вот почему, когда Надя совершает самый сложный элемент в балете — 32 фуэте (32 стремительных поворота на пальце вокруг себя), ее фигура мчится в эпицентре вихря, а длинные прямые ноги вращаются с мощной силой, не сгибаясь в коленях; ее прыжок — не большой, а самый большой, и летящий, воздушный... На всех сложнейших технических приемах у нее свой знак, знак индивидуальности. Такова Надя в каждой партии, за которую берется. Такова она и в «Жизели». Эта партия — одна из коронных у балерин современности. Жизель танцевали Анна Павлова, Галина Уланова, Марина Семенова, ее танцуют Екатерина Максимова, Наталья Бессмертнова. Эта роль заманчива и трудна. Здесь можно сразу покорить всех или за один вечер навредить на себя любовью зрителей. Надя вот уже два года ведет эту партию блестяще. Она восхитительно мила, непосредственна, чиста и возвышенна в любви,

как Джульетта, шаловлива в первом действии и потрясающе трагичная в сцене сумасшествия... Но нет предела прекрасному. А так хочется, так надо быть новыми, неповторимыми и в десятый, и в сотый раз.

— Спасибо за беседу. — Передайте, пожалуйста, от нас привет читателям «Вечерней Уфы».

Интервью вела А. САБИТОВА.
НА СНИМКАХ: ГОСТИ НАШЕГО ГОРОДА ЛАУРЕАТЫ

МЕЖДУНАРОДНЫХ КУРСОВ АРТИСТОВ БАЛЕТА, СОЛИСТЫ БОЛЬШОГО ТЕАТРА СОЮЗА ССР НАДЕЖДА ПАВЛОВА И ВЯЧЕСЛАВ ГОРДЕЕВ.

Фото В. СТРИЖЕВСКОГО.